

Так и болтает нас из стороны в сторону

Культура. — 2005. — 17-23 ноября. — С. 6

Жизнь Александра ГОРДОНА всегда изобилвала крутыми поворотами и, как он сам говорит, ухабами. После Щукинского театрального училища ему прочили успешное актерское будущее, но он, блеснув в дипломных спектаклях, бросил лицедейство на сцене и занялся им на телеэкране и у радиомикрофона. Телезритель со стажем, думаю, не забыл полуночную программу с самонадеянным названием "Гордон" или немного популистское и эпатажирующее телеток-шоу "Стресс". Потом Гордон решил потрянуть стариной и вернуться в театр: сыграл Треплева и Тригорина в Театре Школа современной пьесы — в спектакле "Играем Стриндберга" в антрепризе М. Козакова и даже решил удариться в режиссуру, соорудив интерактивное театральное зрелище по "Бесам" Федора Михайловича Достоевского. Но главным его творческим достижением, за которое, по его же признанию, ему самому не было стыдно, стал режиссерский дебют Гордона в кино — фильм "Пастух своих коров" он снял по повести своего отца. Казалось бы, иди дальше, ставь, снимай, играй. Но Гордон в очередной раз решает бросить театр и кино и броситься в омут социально-политической телепрограммы "Гордон-2030", премьера которой уже состоялась на "Первом канале". Но Гордон не был бы Гордоном, если бы ограничился только ток-шоу на телевидении, пусть весьма острым и злободневным. Продолжением и дополнением к его публицистической деятельности стала организация нового общественно-политического движения. Именно ради этой идеи Гордон поехал по городам и весям нашей необъятной Родины для того, чтобы со всей полнотой ощутить жизнь провинции и привлечь на свою сторону наиболее активную часть российской интеллигенции.

— Александр, в вашей жизни произошел очередной крутой поворот: вы вдруг бросили занятия искусством и решили вернуться к телевидению и общественной деятельности?

— Да, на "Первом канале" вышла наконец программа со "скромным" названием "Гордон-2030". Ну Гордон — это уже... не совсем я, а торговая марка. Поэтому ее так и называли. Тот, кто видел первые выпуски, понял, что речь в ней пойдет о будущем России в 2030 году. Мы попытаемся най-

А. Гордон

ти потерянный нами где-то образ будущего. То есть то, что, собственно, делает нацию нацией. Попробуем как-то договориться о том, что мы, как мы здесь оказались и куда идем. Сейчас у нас такой договоренности нет, и поэтому существует много проблем и даже бед. И они будут только усугубляться.

— То есть в программе вы попытаетесь спрогнозировать развитие России на предстоящую четверть века?

— Это попытки ответить на "проклятые" вопросы, которые стоят перед нами. Прогноз — это желание увидеть мир и страну в каком-то определенном состоянии. А дальше — описание механизма, как этого добиться. А стало быть, и рецепты того, что нам нужно сделать сейчас для того, чтобы достичь именно такого будущего,

которое определено прогнозом. Вопрос: какое будущее мы выбираем, его образ. Пока его нет даже приблизительно. Оно существует в каждой отдельно взятой голове, но в общее не трансформируется. Задача телепрограммы — договориться о смыслах и ценностях того общества, в котором мы живем.

— Кто-то вам может возразить, что эти смыслы и ценности универсальны для любого общества...

— Да, иногда мне так и говорят. Но тогда я предлагаю этим людям ответить на вопрос, что для нас — россия — важнее: закон или справедливость? Люди, подумав, начинают смеяться и отвечают, что, наверное, все же справедливость. Значит, нет универсальных постулатов, значит, нам надо найти какие-то свои. И не в

прошлом (не дай бог!), а в будущем.

— А почему "2030", а, скажем, не "2050"?

— Потому что горизонт научного прогноза, по утверждению разных ученых мужей, не может превышать 25 лет. Да и это уже почти "за горизонтом". Если бы мы решили посвятить программу России в 2050 году, то надо было пригласить только гадалок и астрологов. Потому что там — тема туманная...

— С целью определения наших специфических "смыслов и ценностей" вы решили создать новое общественное движение?

— Да, программа — это только часть большого проекта, который носит название "Образ будущего". И я стал инициатором создания группы подготовки учредительного собрания всероссийского общественного движения с тем же названием. На это собрание приехали люди из 24 регионов России. Почти все из этих регионов я объездил сам, встречался с людьми и пытался объяснить необходимость создания такого движения. И поскольку мне удалось уговорить людей во всех этих регионах, значит, это дело не безнадежное. На съезде мы попытались выработать какие-то общие тактические, стратегические и технологические пути. Но без всякой идеологии, поскольку я убежден, что идеология не может родиться ни на съезде, ни в кабинетах, ни в голове какого-то одного человека. Субъектом возникновения такой идеологии должен стать народ. А у нас в последние годы народ превратился в народонаселение.

— Чем, по-вашему, одно понятие отличается от другого?

— Наверное, излишней атомарностью, изолированностью и социальной аутичностью нации. Наша страна всегда пребывала в состоянии перекося между основными понятиями общественной жизни: я и мы. Сначала у нас были огромное "мы" и почти неразличимое "я". Пришли годы либеральных свобод, и выяснилось, что у нас — непомерно раздутое "я" и почти никакого "мы". Мне кажется, что баланс можно нащупать. Сам я не берусь это определить, поэтому решил объединить людей, давая им в руки универсальный (с моей точки зрения) инструмент ответа на вызовы сегодняшнего дня.

— И что это за инструмент?

— Его можно сформулировать так:

"философия и практика малых дел". Если люди, собравшись вместе, подумав, осуществят какое-то маленькое дело для себя, то они могут договориться до простых вещей: что нужно, что не нужно, что наше, а что — нет. Этим "малым делом" может быть чистая благотворительность: строительство детской площадки, очистка пруда или парка, строительство кинотеатра в сельской глуши. Например, в одной из тверских деревень мы планируем построить маленькое перерабатывающее предприятие, с тем чтобы продавать не молоко — монополисту и за копейки, а готовую продукцию за большие деньги — дачникам. Такое движение станет предпосылкой возникновения той самой национальной идеи, о которой уже столько лет безрезультатно говорят. Причем не сверху, из кабинетов, а снизу, из народа.

— Я попробую рассуждать с утилитарных позиций: в своей программе "Гордон-2030" вы определили идеальное будущее России, а с помощью общественного движения "Образ будущего" будете способствовать достижению этого идеала?

— Нет, не так. Мы в этой программе ни до чего не договоримся. Никаких рецептов там не появится. Потому что, какие бы умные люди там ни собирались, они — не субъект. Их слишком мало, и их усилия слишком раздроблены, чтобы дать ответы на вопросы, которые волнуют большинство людей, живущих в России. Ответить на эти вопросы может лишь это самое большинство. Я решил обратиться в своей программе к интеллигенции, причем к той ее части, которая имеет: а) образование, б) мировоззрение, в которое включено представление ответственности перед другими людьми. Если я встречаюсь с аудиторией, в которой 400 человек, то после встречи ко мне подходят 30 — 40 человек, и пока этого достаточно. Важно, чтобы они понимали, что мы находимся в жуткой ситуации, из которой нам надо выкарабкиваться. Иначе за нас это сделают другие, и эта жизнь уже не понравится никому.

— Как местные власти относятся к московской звезде, которая приезжает и агитирует вверенный им народ?

— Я пытаюсь договориться с властями. По крайней мере, чтобы не мешали. И пока что ни одного отказа во

встрече с мэром или даже губернатором я не встречал. Выслушивают и даже обещают помочь. Пытаюсь договориться и с местными СМИ: ребята, давайте вместе попытаемся создать пространство для хороших новостей. И я убежден, что создаваемые нами группы (мы их называем "гражданские собрания") должны активно сотрудничать с властью, может быть, даже иногда соперничать... И конечно, не обойтись без финансовых ресурсов. И эту проблему мне удалось решить. Что называется, хотел снимать кино, но подумал, что этот проект достойнее.

— Понимаю, что создание общественного движения — это тоже творчество, но все же не жалко было бросать театр и кино?

— Да, вы совершенно правы: то, чем я сейчас занимаюсь, — это сублимация художественного творчества. Здесь приходится решать те же проблемы, что на съемочной площадке или за режиссерским столиком. Только результат может быть другим: больше или меньше, лучше или хуже — время покажет. Кроме того, театр — это очень интимное, тонкое и зависимое дело. Артист сыграл не так, и все, что ты собирался "транслировать в социум", может приобрести прямо противоположные свойства. А я уже в том возрасте и, главное, в том состоянии духа, когда если уж быть зависимым, то — от Судьбы. Или от огромного числа людей, которые поддерживают тебя или не поддержат, угрожают твою идею или вознесут.

— Давайте представим себе, что у вас не получилось. Каковы в таком случае ваши прогнозы на 2030 год?

— В таком случае России как единого государства не будет. Потому что уж очень сильны вызовы внешние: от глобального потепления до растущего Китая. При наличии этих опасностей, отсутствии внутреннего согласия и того, что нас всегда делало нацией, то есть общего смысла жизни, у нас будет полный провал. Потому что, как сказал, по-моему, Монтен, "нет попутного ветра кораблю, который не знает, в какую гавань плывет". Так и будет болтаться нас из стороны в сторону...

Беседу вел
Павел ПОДКЛАДОВ
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ